

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-174-196>

Научная статья / Research article

Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г.

З.Я. Емтыль^а, А.В. Пахомов^а

^аКубанский государственный технологический университет;
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
adg1070@gmail.com, pahomov_an1981@mail.ru

The formation of bodies of power and self-government in the Kuban region during the revolutionary changes of 1917

Zarema Ya. Emtyl^a, Andrey V. Pakhomov^a

^aThe Kuban State University of Technology; 2, Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia; adg1070@gmail.com, pahomov_an1981@mail.ru

Аннотация: В статье осуществляется комплексное исследование процесса формирования органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. Отмечается, что он имел ярко выраженные отличия от развития аналогичных процессов в других губерниях Российской империи, которые были связаны с особенностями колонизации и социальной структуры населения области, а также существовавшей до революции системой управления областью. Особое внимание авторы уделяют формированию всесословной системы органов власти и самоуправления в русле постфевральских демократических процессов и анализу причин их несостоятельности. На основе проведенного исследования авторы выделили в развитии процесса формирования системы органов управления на Кубани два разнонаправленных по своему содержанию периода. Первый период (с марта 1917 г. по июль 1917 г.) происходил в русле постфевральских демократических процессов и был направлен на формирование более демократичной всесословной системы регионального и местного управления. Второй период, начавшийся в июле 1917 г., носил контрреволюционный характер и был ознаменован фактическим захватом всей полноты власти органами казачьего самоуправления. Упразднение земельных комитетов, закрытие областного Совета и Облисполкома, ограничение деятельности левых партий, разгромом Гражданских комитетов на местах и переход всей власти в руки Кубанского Войскового правительства не оставляли правовых оснований для решения вопроса с учетом интересов всех сословий. Сформировавшаяся на Кубани к осени система управления не была ориентирована на достижение социального согласия и мира, а напротив, формировала почву для острого социального конфликта.

Ключевые слова: горцы, Гражданский комитет, земельный комитет, иногородние, казачество, Кубанское Войсковое правительство, Кубанская Законодательная рада.

Для цитирования: Емтыль З.Я., Пахомов А.В. Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. // Вестник Россий-

© Емтыль З.Я., Пахомов А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 174–196. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-174-196>

Abstract: The present article studies the emergence of institutions of government and autonomy in the Kuban region during the revolutionary transformations of 1917. In the Kuban region, this process differed from the development of similar institutions in other provinces of the Russian Empire; these differences resulted from the peculiarities of colonization and from the social structure of the region's population, as well as from the pre-revolutionary management of the region. As the authors demonstrate, the system of government and self-administration in the region encompassed all social estates, in line with post-February democratic processes. The article analyzes the reasons for the failure of this system. The authors identify two periods. Between March 1917 and July 1917, the establishment of governmental bodies and bodies of self-administration was in line with post-February democratic processes and aimed at the formation of a more democratic system of regional and local government. The second period, which began in July 1917, was of counter-revolutionary nature; the authorities seized the bodies of Cossack self-government. The abolition of land committees, the closure of the oblast' council and executive committee, the restriction of the activities of left parties, the elimination of civil committees and the transfer of all power to the Kuban Military government left no legal room for considering the interests of all classes. By the autumn of 1917, the system of governance formed in the Kuban region was not aimed at achieving social harmony and peace but formed the basis for acute social conflict.

Keywords: highlanders, Civic Committee, Land Committee, Cossacks, the Kuban host government, Kuban Legislative Rada.

For citation: Emtyl, Zarema Ya., Pakhomov, Andrey V. "The formation of bodies of power and self-government in the Kuban region during the revolutionary changes of 1917," *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 174–196. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-174-196>

Введение

Комплекс вопросов, связанных с революционными преобразованиями в российской провинции в 1917 г., традиционно привлекает к себе широкое исследовательское внимание. В результате сформировалась обширная историография проблемы, основанная на анализе большого фактического материала и позволяющая реконструировать важные события и процессы региональной истории. В то же время на протяжении длительного времени в отечественной историографии происходило рассмотрение проблем региональной истории, связанных с революционными событиями и, в частности, формированием системы органов власти в контексте единого по форме и сути общероссийского революционного процесса.

Непосредственно развитие системы органов власти на Кубани в 1917 г. только начало оформляться в отдельную исследовательскую тему. Тем не менее, она с разной степенью основательности нашла отражение в целом комплексе исследований по истории аграрного движения, революции и Гражданской войны в регионе, а также в обобщающих исследованиях по истории Кубани и Северного Кавказа.

Сложившуюся историографию проблемы условно можно разделить на два периода: советский и постсоветский, в основе которых лежат существенно отличающиеся друг от друга теоретико-методологические основания. Начало научной разработки вопросов, связанных с формированием органов власти и самоуправлением на Кубани в революционный период, относится к 20-30-м гг. XX в., когда были предприняты первые попытки по сбору и систематизации разрозненных ма-

териалов, отражающих социально-политическое развитие региона¹. Уже на этом этапе стала складываться советская историографическая традиция, в основе которой лежало обоснование закономерности социалистической революции и «подтягивание» социально-политических событий в регионе к содержанию и ходу событий в столице. Особое место в исследованиях отводилось социально-классовой проблематике, выявлению причин и характера социально-экономических (в особенности аграрных) противоречий казачества и иногороднего населения региона.

В исследованиях 1940-х гг. произошло укрепление данной традиции, а также осуществлялись попытки систематизации, анализа и обобщения революционного опыта народов Кубани и Северного Кавказа в целом². Исследовательское внимание фокусировалось на ключевой роли партии большевиков, сумевшей установить «нерушимый союз» между немногочисленным на Кубани промышленным пролетариатом, крестьянством, а также беднейшим казачеством, и возглавить борьбу против сил контрреволюции.

Значительное расширение проблематики научных исследований и их источниковой базы на основе привлечения региональных архивов, отказа от ряда догматически тенденциозных оценок произошел со второй половины 50-х гг. XX в.³ Однако по-прежнему региональные процессы вписывались в заданную общероссийскую схему. Наибольшей полнотой и комплексностью в изучении вопросов, связанных с социально-политическим развитием Кубани в 1917 г., отличается исследование А.А. Сенцова⁴. Оставаясь в рамках марксистской методологии, он на основе разнообразной источниковой базы исследовал динамику, условия и содержание процесса формирования органов регионального и местного управления на Кубани, при этом концентрируя внимание на создании и деятельности советов.

Большой интерес с точки зрения понимания основ социально-политической конфронтации между основными социальными группами Кубани представ-

¹ *Ладоха Г.* Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923; *Октябрь на Кубани и Черноморье* (сборник воспоминаний). Краснодар, 1924; *Янчевский Н.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1927; *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1933.

² *Раенко Я.Н.* Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья (1914–1920 гг.). Хронологический очерк. Краснодар, 1940; *Раенко Я.Н.* Борьба за установление Советской власти на Кубани и в Черноморье // Уч. зап. Ростовского пед. ин-та. 1953. № 1. С. 53–95; *Раенко Я.Н.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 2. Март 1918 г. – апрель 1920 г. Ростов н/Д., 1940; *Разгон И.М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М., 1941.

³ *Хижняк И.* Октябрь на Кубани // *Кубань родная*. Краснодар, 1957. С. 52–60; *Тумасов Б.В.* Борьба за власть Советов на Кубани // Труды краснодарского ин-та пищевой промышленности. 1957. № 17. С. 3–12; *Бабичев М.М.* Подъем крестьянского движения на Кубани в период борьбы за установление Советской власти (1917–1918 гг.) // Труды краснодарского пед. ин-та. 1963. № 33. С. 13–29; *Осадчий И.П.* Большевики Черноморской губернии в борьбе за победу Октября // Из истории партийных организаций Краснодарского края. Краснодар, 1968. С. 5–39; *Осадчий И.П.* Борьба за власть Советов на Кубани и Черноморье в годы Гражданской войны. Краснодар, 1971; *Осадчий И.П.* За власть трудового народа. Историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье (1917–1920 гг.). Краснодар, 1987.

⁴ *Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918): Из истории становления советской государственности. Краснодар, 1984.

ляет работа М.М. Бабичева, посвященная крестьянскому движению в Кубанской области, в которой формулировалась мысль о том, что крестьянское движение возглавляли возвращавшиеся с фронта революционно настроенные иногородние крестьяне.

Принципиально новый этап в отечественной историографии проблемы, связанный с изменением теоретико-методологических оснований отечественной науки и отказом от идеологических штампов, начался в 1990-х гг., что позволило воссоздать более сложную картину развития революционных преобразований в различных областях общественной жизни на Кубани.

Существенный вклад в изменение ракурса рассмотрения истории революции и аграрного вопроса в российской провинции внесли западные историки, обратившие свое внимание на то, что революция в отдельных регионах России часто развивалась по отличным от столицы сценариям и являлась следствием местных, региональных, локальных условий и конфликтов⁵. Данный подход получил развитие также в новейшей отечественной историографии истории революции в провинции⁶.

Со стороны исследователей обнаружился большой интерес к более объективной реконструкции истории казачества и его роли в событиях периода революции и Гражданской войны. Однако под влиянием желания «реабилитировать» казачество зачастую происходила идеализация его роли в социально-политическом развитии региона и сужение исследовательского поля вокруг «казачьей проблематики».

Среди комплекса работ рассматриваемого периода выделяются исследования В.П. Трута, А.В. Венкова, в которых анализировалась степень социальной дифференциации в казачьей и крестьянской среде, влияние различных идеологических течений и политических партий на казачество⁷. Однако процесс формирования новой системы власти на Юге России был ими рассмотрен лишь в общих чертах.

В отношении процессов формирования органов власти на Кубани широкое распространение получила точка зрения, согласно которой казачество выработало программу возрождения России, которая была способна утвердить демократию, законность и последующую модернизацию всей страны. В противоположность существовавшему в советской историографии тезису о «сепаратизме» и «контрреволюционности» казачества Юга России была выдвинута небесспорная идея о том, что казачьи войска «пошли по пути укрепления своей возрождаемой государственности», и, если мелкие крестьянские локальные миры разваливали государственность, «то казаки крепили власть областную, придавая ей функции власти государственной»⁸.

Эта идея получила развитие и в исследовании А.А. Зайцева. В частности, наиболее существенным последствием революционных событий 1917 г. для Ку-

⁵ *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge, 2007; *Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, 1986. *Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford-Princeton, 2002.

⁶ *Галлямова Л.И.* 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // *Россия и АТР*. 2017. № 2. С. 9–24; *Кабытова Н.Н.* Властные парадигмы российской провинции в 1917 году // *Вестник архивиста*. 2017. №2. С. 211–220.

⁷ *Венков А.В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д., 1995; *Трут В.П.* Казачий излом. Ростов н/Д., 1997.

⁸ Там же. С. 13.

бани, по его мнению, стало нарастание деструктивных элементов самоуправления. В свою очередь «казаки как сторонники народоуправства, демократии, стали жертвой экстремистских сил, уничтоживших особый уклад их жизни»⁹.

В некоторых исследованиях явно преувеличивается демократический потенциал сформировавшихся на Кубани органов казачьего самоуправления, которые, как утверждает, имели «перспективу дальнейшего развития на буржуазно-демократической основе»¹⁰. Возрождая традиции казачьего самоуправления, по мнению В.В. Черпакова, они стремились стать истинно демократическими органами власти и привлечь к управлению широкие социальные слои населения, в частности, горцев. При этом автор упускает из поля зрения, что горцы составляли лишь 4 % в структуре населения области, в то время как большая часть иногороднего населения и рабочие были лишены избирательных прав, что ставило под сомнение легитимность этих органов власти.

Наряду с данной, господствующей среди региональных историков точкой зрения, появились исследования, ориентированные на более объективный анализ перспектив казачьего самоуправления на Кубани¹¹. В них ставится под сомнение возможность лидеров кубанского казачества в постфевральский период структурировать свою государственность в состав федерации народов России и отмечается, что тенденция к обособлению казачества и созданию им сословных властных структур являлась следствием возникновения бессословных земельных комитетов, которые представляли реальную угрозу привилегиям казачества в сфере землепользования.

Особый интерес представляет исследование В.А. Терновского, который отметил, что в период с марта по июнь 1917 г. создание органов власти на Кубани, несмотря на существовавшую «властную неразбериху», происходило в направлении формирования «более демократичной системы местного самоуправления, в которой были бы интегрированы интересы всех слоев населения Кубани»¹². Однако в последующем, «имея целью сохранение сословных прав на землю, казачья

⁹ Зайцев А.А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: На материалах Дона и Кубано-Черноморья. Краснодар, 2009.

¹⁰ Черпаков В.В. Выборные представительные органы государственной власти на Кубани (1917 – первая половина 1918 года) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2. С. 37.

¹¹ Артемов С.Н. Земельный вопрос на крестьянских и казачьих съездах Юга России (1917 г.) // Научный исторический вестник. 2007. № 16. С. 102–111; Емтыль З.Я., Аверина А.В. Нарастание противоречий между иногородними и казачеством в период революционных событий 1917 года // Этнос и культура в эпоху глобализации. Сборник материалов III Международной научной очно-заочной конференции, 27–28 июня 2019 г. Краснодар, 2019. С. 165–176; Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 175–177; Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 792–811; Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 82–106.

¹² Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.)... С. 99.

власть на Кубани законодательно оттесняет от выборных процессов «некоренное» население края, фактически узурпируя власть...»¹³.

К данной исследовательской позиции близка работа Е.М. Трусовой (и это единственное специальное исследование процесса формирования органов власти на Юге России в 1917 г.)¹⁴. Анализ деятельности Гражданских комитетов позволил автору прийти к выводу о том, что «эти органы власти на местах были наиболее работоспособными, демократичными и в начале деятельности довольно авторитетными в массах»¹⁵. Однако последующий отказ в поддержке их со стороны Временного правительства способствовал расколу общества и переходу власти казачьим органам. Причины этого, по мнению автора, заключались в том, что «казаки располагали материальной и военной базой, имели отлаженную систему управления с подготовленными кадрами», а «комиссары, выдвинутые из казачьей среды, не только симпатизировали казакам, но и прямо становились на их сторону»¹⁶.

Сложившаяся историография проблемы свидетельствует об отсутствии комплексности в ее изучении. Исследовательские акценты расставлены таким образом, что в центре научного интереса, как правило, оказывалась система управления, сложившаяся на Кубани после октября 1917 г., а также комплекс вопросов, связанных с борьбой РСДРП(б) за установление советской власти, деятельностью земельных комитетов или становлением казачьего самоуправления в регионе. На фоне резко возросшего внимания к вопросам социально-политической и экономической трансформации кубанского казачества в революционный период остаются недостаточно изученными важные аспекты процесса формирования всесословной системы органов власти и самоуправления в контексте постфевральских демократических процессов. Не получил должного внимания и вопрос политической роли горского населения области в условиях «хрупкого равновесия сил» между основными социальными группами – казачеством и иногородними.

Достигнутый уровень разработки проблемы, носящий зачастую тенденциозный характер, обуславливает цель данной статьи, которая состоит в осуществлении объективного комплексного исследования процесса формирования органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. и выявлении его специфики.

Источниковую базу исследования составили источники различной видовой принадлежности. Богатый фактический материал, позволяющий реконструировать процесс становления и развития региональных и местных органов власти на Кубани в период между Февральской и Октябрьской революциями, был выявлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) и архиве Министерства внутренних дел Краснодарско-

¹³ Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.)... С. 99.

¹⁴ Трусова Е.М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д., 1999.

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ Там же.

го края (АМВД КК), Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Значительная часть источников была извлечена из тематических сборников документов¹⁷. Большое значение для разработки темы исследования имела региональная периодика, позволившая более полно представить картину происходивших событий и отношение к ним различных властных структур, политических партий и социальных групп Кубани.

Использованный в работе круг исторических и историографических источников представляется адекватным исследуемой теме. Их объем и содержание дают возможность рассмотреть основные составляющие проблемы: условия, предпосылки и региональные особенности складывания органов власти и самоуправления на Кубани; характер и содержание их деятельности; столкновение социально-политических и экономических интересов различных социальных и национальных групп, влиявших на деятельность властных структур и перспективы их дальнейшего существования.

Исследование основано на сочетании различных научных подходов и методов, обеспечивающих комплексность и глубину изучения проблемы. Основопологающую роль в исследовании таких сложных и противоречивых процессов, как формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований, играет применение системного подхода, который позволил осмыслить сложившуюся в исследуемом регионе социально-политическую ситуацию как некую целостную систему со своими элементами и особенностями функционирования и на этом основании осуществить комплексное исследование в контексте развития социально-экономических и политических процессов в регионе и стране.

Полноценное изучение темы исследования не представляется возможным без широкого применения историко-генетического метода, позволяющего понять обусловленность процесса формирования органов власти на Кубани, природу отношения к ним со стороны населения, причины конфронтации между основными социальными и национальными группами. Проведение исследования потребовало также использования проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов.

Стремление к преодолению господствовавшей в отечественной исторической науке традиции, состоявшей в «подтягивании» местной истории под исследование данного явления в центре страны, актуализирует рассмотрение проблемы с точки зрения методологии локальной истории. Она позволит понять многомерность политического процесса периода революционных преобразований и выявить его специфические черты как проявление локальных обстоятельств, противоречий и конфликтов.

Сохраняющийся дискуссионный характер проблемы обуславливает применение ценностного подхода, предоставляющего возможность не только дать оценку и «задать точку зрения» на исследуемый процесс и связанные с ним явления, но и выделить его индивидуальные особенности.

¹⁷ Борьба за советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг.: Сборник документов и материалов. Краснодар, 1957; Сборник указов и постановлений Временного правительства 27 февраля – 5 мая 1917 г. Петроград, 1917.

Представляется, что исследование процесса формирования органов власти и самоуправления на Кубани на обозначенных методологических и теоретических основаниях создаст условия для его комплексной реконструкции, а также обогатит новыми фактами из жизни региона эмпирическое пространство общероссийской истории.

Резонанс Февраля на Кубани

Развитие социально-политической ситуации на Кубани между Февральской и Октябрьской революциями имело выраженную специфику, связанную с особенностями социальной и национальной структуры населения региона. К началу XX в. население Кубани составляло 2 800 000 чел., из них 43 % составляли казаки, 53 % – иногороднее (пришрое) население, в основном состоявшее из крестьян и 4 % горцев¹⁸. Абсолютно привилегированное положение занимало казачье сословие, в руках которого находилось управление областью и большая часть (79 %) земельного фонда. Не относящиеся к казачеству социальные и национальные группы были отстранены от управления областью и существенно ущемлены в политическом и социально-экономическом положении. Атаман Кубанского казачьего войска одновременно являлся Начальником Кубанской области, которая была разделена на отделы, во главе с подчиненными ему атаманами. Кроме того, для «неказачьего» иногороднего населения была введена жесткая регламентация на различные виды хозяйственной деятельности. Ему было запрещено использовать природные ресурсы, создавать семьи с казаками или казачками, посещать церковь на территории Кубанского войска. Иногородним детям запрещалось учиться в общих с казаками школах, пользоваться общественными магазинами и больницами. Составлявшие большинство населения иногородние в основной массе не имели своей земли и были вынуждены арендовать землю у казаков, которые становились в их представлении «коллективным помещиком»¹⁹. Сложившееся на Кубани социально-политическое и экономическое неравенство основных социальных групп порождало разногласия, принявшие в ходе революции характер острого политического антагонизма.

Февральские революционные события в столице дали мощный импульс росту политической активности населения Кубанской области, активно включившегося в деятельность по формированию представительных органов власти. Новые политические обстоятельства, порождая большие надежды, связанные с решением наиболее острых политических и социально-экономических проблем, неминуемо углубляли социально-политические противоречия и конфронтацию в обществе. На волне революционного энтузиазма в населенных пунктах Кубани и Черноморья, не дожидаясь указаний от правительства, из представителей политических партий, общественных движений и групп населения, начали создаваться Гражданские комитеты, являвшиеся органами Временного правительства на местах.

¹⁸ АМВД КК (Архив министерства внутренних дел Краснодарского края). Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 54.

¹⁹ Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти... С. 176.

8 марта 1917 г. по указанию атамана М.П. Бабыча для управления областью был создан Кубанский Областной гражданский комитет, в руках которого сосредоточивалась высшая гражданская власть области. Из числа членов Областного и Екатеринодарского Гражданских комитетов, а также представителей казачества 9 марта был сформирован Временный Кубанский областной исполнительный комитет²⁰. 11 марта Временный Кубанский областной исполнительный комитет принял решение о формировании гражданских комитетов в отделах и населенных пунктах Кубанской области. В инструкции о формировании Гражданских комитетов указывалось, что в ведении атаманов сохраняются все вопросы, связанные со службой казаков, а гражданские вопросы жизни населения станиц и отделов должны перейти в ведение Гражданских комитетов²¹.

По своему социальному составу в станичных гражданских исполкомах казаков было значительно больше, чем иногородних. Формирование новых органов власти строилось на многопартийной основе и отразило ту политическую и классовую расстановку сил, которая сложилась в области еще перед революцией.

Избрание в Гражданские комитеты и их исполнительные органы на внесловной основе порождало классовую несовместимость. Вхождение в одну структуру власти враждебно настроенных по отношению друг другу групп населения станиц и хуторов часто заводило работу комитетов в тупик.

Иногородние и беднейшее казачество с помощью комитетов и при поддержке значительной части населения пытались решить проблему социального неравенства на местах, что наталкивалось на ожесточенное сопротивление казачества. В этой связи казаки иногда выступали против создания Гражданских комитетов, так как считали, что через эти органы иногородние могут отобрать у них земельные паи.

Параллельно с Гражданскими комитетами Временное правительство инициировало создание института комиссаров. В их обязанности входило проведение в жизнь правительственных указаний и регулирование процесса создания властных структур. На Кубани эту должность занял выходец из зажиточной казачьей семьи генерал К.Л. Бардиж. С формированием на Кубани Гражданских комитетов и институтов комиссаров отпадала надобность в существовании прежних органов власти, и 12 марта 1917 г. атаман М.П. Бабыч был отстранен от должности.

Таким образом, административное управление в Кубанской области и в Екатеринодаре сменилось, и официально власть перешла в руки органов Временного правительства. Однако политическая реальность на Кубани, как и в целом по стране, оказалась гораздо сложнее, и говорить об обладании органами Временного правительства полнотой фактической власти не приходилось.

Большую политическую активность и организованность с первых дней революции на Кубани продемонстрировали представители революционных социалистических партий. Осознавая важность исторического момента, они сразу же приступили к формированию органов революционного самоуправления. В Кубанской области, как и в остальной России, существовало два вида Советов. В городах

²⁰ Свободная Кубань. 1917. 23 марта.

²¹ Ратушняк В.Н. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 496–497.

это были рабочие и солдатские советы. В станицах, где иногородние составляли значительную часть населения (Усть-Лабинской, Крымской, Северской, Апшеронской др.), под политическим руководством партии эсеров стали создаваться крестьянско-казачьи союзы, основу которых составляли иногородние и безземельное казачество. В задачи формирующихся союзов входило устранение сословного неравенства и демократическое решение земельного вопроса. Кубанское казачество принимало меры, чтобы не допустить установления их влияния на безземельное и рядовое казачество. Станичные правления ограничивали вступления казаков в союзы под угрозой выселения из станиц, исключения из сословия или лишения земельных паев. Однако данные меры не дали желаемого результата.

Рассматривая деятельность советов в Кубанской области, следует отметить, что их депутаты представляли различные партии и классы, что приводило к политическим противоречиям внутри них. Значительное влияние в советах, как и в целом по стране, имели эсеры. Такая популярность основывалась на поддержке иногороднего крестьянства и безземельного казачества, которых привлекала аграрная программа социал-революционеров.

Немаловажное влияние на развитие социально-политической обстановки на Кубани играла избранная Временным правительством позиция в отношении Кубанского казачества. Новая власть была крайне заинтересована в привлечении его на свою сторону, так как казачество представляло собой серьезную военно-политическую силу. Кроме этого, для Временного правительства было важным оторвать казачество от советов.

Пытаясь добиться лояльности казачества, Временное правительство не только не предпринимало действий, направленных на ограничение их привилегированного положения, но и способствовало расширению казачьего самоуправления. 11 марта 1917 г. Военный и морской министр Временного правительства октябрист А.И. Гучков подписал приказ «О реорганизации местного гражданского правления казачьего населения»²². Данный приказ отменял все правоограничения казаков, кроме военной службы, а также предписывал реорганизацию местного управления казачьими войсками на началах самого широкого самоуправления, в соответствии с историческим прошлым казачьих войск²³.

Особый интерес для понимания причин роста социальной напряженности в области имеет организация выборов в станичные и хуторские правления. Так, постановление о проведении выборов, подписанное 20 марта 1917 г. комиссаром области К.Л. Бардижом, допускало к выборам только станичное и хуторское мужское казачье население, достигшее 21 года²⁴. Оно сохраняло сословное неравенство и нарушало постановление Облисполкома от 17 марта 1917 г. о всеобщем голосовании, позволявшие участвовать в выборах женщинам и иногородним.

Для того, чтобы казачество твердо поддерживало Временное правительство, ему было разрешено создание казачьих съездов и союзов. Так, с 23 по 29 мар-

²² Сборник указов и постановлений Временного правительства: 27 февраля – 5 мая 1917 г. Петроград, 1917. С. 326–327.

²³ Там же.

²⁴ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 21–22.

та 1917 г. в Петрограде проходил 1 Всероссийский общеказачий съезд. Решения съезда сыграли большую роль в развитии социально-политических процессов в казачьих областях и на Кубани, в частности. Съезд постановил все земли, воды и недра на территории казачьих областей объявить неприкасаемой собственностью казачьих войск. Было принято решение вернуть в войсковую собственность расположенные в казачьих областях земли казенные, удельные, монастырские, церковные, частновладельческие на условиях, которые предстояло выработать Учредительному собранию²⁵. Таким образом, решения съезда были направлены не просто на сохранение, но и на значительное расширение привилегий казачества в области пользования землей и ее недрами, что противоречило демократическому характеру происходивших революционных преобразований и не могло в дальнейшем не отразиться на углублении социального противостояния на Кубани.

Складывание «дуалистической системы» управления

Одним из наиболее важных политических событий региональной общественной жизни в рассматриваемый период стал I съезд уполномоченных представителей населенных пунктов Кубанской области, проходивший в Екатеринодаре с 9 по 18 апреля 1917 г. Руководящую роль на съезде играли эсеры. Отсутствие четких инструкций и указаний правительства относительно деятельности Гражданских комитетов и формирования органов власти на Кубани привело к тому, что одним из главных вопросов съезда стал вопрос о формировании условий самоуправления, применимого для Кубанской области. Не менее важной задачей съезда было урегулирование социальных противоречий между сословиями и проживавшими в области народами.

В контексте рассматриваемой проблемы наибольший интерес представляют решения съезда по вопросу «о власти». Решением съезда в основу конструкции региональной власти был взят общероссийский образец, в соответствии с которым высшим органом гражданской власти должен был стать Областной совет, а его исполнительным органом Областной исполком совета. В состав Областного совета было избрано 135 человек. В сформированный для работы между его сессиями Областной Исполком вошли 29 человек: по два представителя от казаков и иногородних от каждого отдела и четыре – от горцев, 1 представитель – от городов, 8 – от казачьей Рады и 2 – от Совета рабочих и воинских депутатов.

В результате работы съезда был подготовлен проект Положения о временном самоуправлении Кубанской области. В его первом параграфе говорилось, что «Кубанский областной совет является высшим органом гражданской власти в области..., все существующие учреждения и организации военного ведомства остаются в своих законом указанных формах и не подчиняются гражданским учреждениям»²⁶. Выступавший перед делегатами Н.С. Долгополов говорил о необходимости сохранения той обособленности, которая исторически сложилась между казачеством и

²⁵ ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания). Ф. Р.-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.

²⁶ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 17.

иногородними, и что у казаков должно быть свое Войсковое Правительство, и что вопросы казачества должна решать только казачья Войсковая Рада²⁷.

Таким образом, съезд признал Гражданские комитеты органами новой власти, но их деятельность в казачьих станицах и хуторах области была ограничена станичным правлением, и в вопросы казачьего хозяйства, в деятельность гражданских комитетов они не могли вмешиваться. Это означало, что делегаты съезда разделили власть в области: военные и хозяйственные структуры Кубанского войска остались в подчинении казачества, а гражданская власть в области передавалась в ведение сословных органов. В результате в регионе сформировалась «дуалистическая система» управления, предполагавшая функционирование двух параллельных органов власти. Она представляла собой, по справедливому мнению В.А. Терновского, шаткий компромисс между казачеством и остальным населением области в сфере построения сословных органов власти²⁸. Ключевые посты в хозяйстве области и контроль за вооруженными силами был в руках казачества или людей, симпатизировавших казачеству, сохранялась также самостоятельность Войсковой Рады в принятии решений. Сложившаяся в регионе конструкция власти на практике ставила Областной совет в положение органа власти, который ничего не решал.

Изучение материалов работы съезда позволяет сделать вывод о том, что он не смог решить основные социально-политические вопросы: уравнивание в правах всех социальных и национальных групп области, формирование единой системы управления областью. Однако, несмотря на свою ограниченность, решения съезда предполагали реформирование системы управления областью в направлении ликвидации казачьего узко-сословного управления и формирования новой системы, основанной на паритетном сословном и национальном представительстве. Данное обстоятельство на фоне значительно выросшей политической активности иногороднего населения, все больше попадавшего под влияние социалистических партий, формировало настороженность у лидеров казачества и боязнь посягательств со стороны других социальных групп на их привилегии, в особенности в области землепользования.

В связи с этим, еще до завершения работы I съезда представителей населенных пунктов в Екатеринодаре, 17 апреля 1917 г., начал свою работу казачий съезд, объявивший о создании Кубанской краевой Войсковой Рады и образовании Временного Кубанского войскового правительства. В документе о формировании Войскового правительства говорилось, что «Кубанское войсковое правительство есть высший исполнительный и руководящий орган Кубанского войска и представляет последнее как лицо юридическое»²⁹. Его действия были подотчетны законодательной Раде, а все члены Войскового правительства должны были входить в Областной исполнительный комитет. Данные решения ставили органы казачьего управления в оппозицию по отношению к структурам власти Временного правительства и советов.

²⁷ Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани... С. 35–36.

²⁸ Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления... С. 89.

²⁹ Свободная Кубань. 1917. 28 апреля.

Произошедшая децентрализация власти в области привела к тому, что многие лидеры кубанского казачества высказывали мнение не только о расширении самоуправления, но и о том, что интересы казачества должны стоять выше указаний правительства. Так, П.Л. Макаренко заявлял «Мы должны сами сказать, какой основной закон может нас удовлетворить, а не ждать его от правительства»³⁰.

В ответ Временное правительство, осознавая, что Кубанская рада и Войсковое правительство выражают интересы основной части казачества, одобрило разделение власти в области между органами казачьего управления и органами Временного правительства. В письме министров Временного правительства А.Ф. Керенского и Н.Д. Авксентьева отмечалось, что «Войсковое правительство и Рада органы казачьей части населения Кубанской области, являющиеся фактически хозяином большей части земель и имущества области, должны являться органами хозяйственного управления имуществами и капиталами Кубанского казачьего войска, не беря на себя функции гражданского управления»³¹.

Таким образом, на волне революционного подъема на Кубани происходило формирование новой региональной модели управления. Данный процесс имел выраженные особенности. Хотя в первые же после свержения самодержавия дни власть на Кубани официально перешла в руки органов Временного правительства, политическая реальность к лету 1917 г. в регионе, как и в целом по стране, оказалась гораздо сложнее, и говорить об обладании органами Временного правительства полнотой фактической власти не приходилось. Своеобразие региональных противоречий и конфликтов привело к созданию и параллельному функционированию органов Временного правительства, войскового правления и советов. В результате политических разногласий, носивших на Кубани в основном социальный характер, разгорелась ожесточенная борьба между Облисполкомом, крестьянско-казачими советами, Гражданскими комитетами, с одной стороны, и казачеством в лице Кубанской Рады и станичных правлений при поддержке комиссара Временного правительства, с другой.

Политика заигрывания Временного правительства с казачеством способствовала децентрализации власти на Кубани и ее фактическому разделению между органами Временного правительства и казачьего управления: военные и хозяйственные структуры Кубанского войска остались в подчинении казачества, а гражданская власть в области передавалась в ведение всесословных органов (Гражданских комитетов). Сложившаяся в регионе конструкция власти не могла быть жизнеспособной, так как не только не была ориентирована на достижение социального согласия и мира в регионе, но, наоборот, способствовала углублению социально-политического размежевания в кубанском обществе.

Оформление казачьего управления

К началу лета 1917 г. кризисные явления в Кубанской области стали нарастать. Они были связаны с углублявшимися социальными противоречиями на фоне отсутствия единой системы органов власти. Центральное значение в сослов-

³⁰ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 23.

³¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 1. Д. 303. Л. 6.

но-классовом и политическом противостоянии в регионе приобрел земельный конфликт.

Многовластие в станицах в лице станичных правлений, гражданских, крестьянско-казачих советов фактически приводило к безвластию на местах. Зачастую данным обстоятельством пользовалось наиболее революционно настроенная часть населения области (иногородние и безземельное казачество), переходившая к решительным действиям по земельному вопросу. Во всех отделах области широкий размах приобрели аграрные беспорядки: самозахват земель, порубка лесов, отказ от уплаты арендной платы.

Большую роль в дальнейшем развитии социально-политической ситуации на Кубани сыграло Положение «Об учреждении земельных комитетов», принятое Временным правительством 21 апреля 1917 г. для предотвращения роста аграрных беспорядков и недовольства крестьян. Положение предполагало создание в регионе бессловных земельных комитетов, в обязанности которых входила подготовка документов по будущей земельной реформе и издание положений, касающихся земельных отношений.

Обсуждавшиеся на состоявшемся 6 июня 1917 г. заседании Облисполкома тезисы Временного правительства о реформе гражданского управления в Кубанской, Терской и Донской областях содержали предписание о создании в области земских учреждений на основе всеобщего голосования. В их компетенции должны были находиться общественно-хозяйственные вопросы. Атаманам станиц, хуторов и отделов, а также станичному и войсковому правлению отводилось только военное значение³².

Работа по формированию земельных комитетов происходила в чрезвычайно сложных условиях. В населенных пунктах с иногородним большинством создание земельных комитетов не вызывало сложностей, в то время как в станицах с казачьим большинством станичная и хуторская администрация всячески препятствовали созданию комитетов.

В июне 1917 г. областной комиссариат принял решение о временной приостановке организации земельных комитетов на местах до разработки особого положения о формировании земельных комитетов в казачьих областях³³. Предлогом для приостановки создания комитетов был рост числа столкновений из-за земельного вопроса, который связывался с деятельностью комитетов. Фактическая же причина была в нежелании областного и особенно Войскового правительств решать земельный вопрос с учетом равных прав всех сословий.

Политическая нестабильность и сохранявшееся сословное неравенство привели к еще большему обострению конфронтации между казачеством и иногородними. В такой ситуации кубанское казачество в лице станичных правлений и областного комиссара предпринимало меры для уменьшения активности иногороднего населения области: от выселения до арестов активистов крестьянско-казачьих Советов³⁴.

³² Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани... С. 45.

³³ ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

³⁴ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 34.

Для разрешения возникших политических и земельных противоречий было объявлено об открытии 23 июня 1917 г. первой сессии Кубанского областного совета, основной задачей которой являлось рассмотрение вопроса о введении всесословного земского самоуправления. Однако Облисполком не смог предоставить конструктивного плана по введению в области земств. Итогом заседания первых дней стало заявление казачьей фракции о снятии с повестки дня вопроса о земствах. Такая постановка вопроса привела к расколу Областного совета, который в результате непримиримых социальных разногласий раскололся по признаку казачьей и неказачьей фракции на Кубанский Войсковой Совет и Областной Совет Иногородних³⁵.

В резолюции Кубанского Войскового совета, принятой 4 июля 1917 г., говорилось, что «казачья часть Кубанского областного Совета находит дальнейшую совместную работу невозможной, а потому постановила: 1) выйти казачьей части из Областного Совета и образовать Кубанский Войсковой Совет; 2) отозвать представителей казачьего населения из Областного Исполнительного Комитета; 3) объявить населению области, что так называемый Кубанский Областной Совет и Областной Исполнительный Комитет отныне не существует за выходом из них представителей всего казачьего населения области...»³⁶.

Выход казачьей фракции из Облисполкома, по сути, превратил его в законосовещательный орган под руководством эсеров, который больше не имел значения как правительственное учреждение. В сложившейся кризисной ситуации комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж открыто стал на сторону лидеров казачества в их противостоянии с неказачьим населением. Своим Постановлением от 4 июля он упразднил Кубанский Областной Совет и Облисполком, объявив, что на Войсковое правительство, имеющее в своем распоряжении все средства, возлагается сохранение порядка и спокойствия³⁷.

Данным постановлением областной комиссар только узаконил захват казачьими верхами власти в области. В свою очередь, Временное правительство в лице Министерства внутренних дел одобрило постановление комиссара области о том, что представителем государственной власти на Кубани является Войсковое правительство³⁸, которое сразу же приступило к ликвидации местных советов и возрождению старых органов станичного самоуправления.

Пытаясь противостоять оформлению казачьего управления в области, 9 июля 1917 г. руководство умеренных социалистических партий Екатеринодарского совета, Областного исполкома, Советов крестьянско-казачьих депутатов, а также Областного исполкома иногородних приняли резолюцию, в которой говорилось: «Переход всей власти в руки войскового правительства угрожает иногороднему населению, составляющему 57 % всего населения области, лишением гражданских прав и участия в общественной жизни...»³⁹. Все это свидетельствовало о углублении конфронтации между основными сословными группами.

³⁵ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 40–45.

³⁶ Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани... С. 46.

³⁷ Там же. С. 46.

³⁸ Там же. С. 46.

³⁹ Вольная Кубань. 1917. 23 июля.

В свою очередь, лидеры казачества в Казачьем Совете, воспользовавшись закрытием Облсовета и Облисполкома, приступили к спешному принятию решений о закрытии на местах Гражданских комитетов. В результате по области при помощи станичных правлений на казачьих сходах прокатилась волна их закрытия.

С разгромом Гражданских комитетов вся власть в области перешла в руки Кубанского Войскового правительства. В станицах власть сосредоточилась в руках станичных правлений, которые восстановили атаманское управление, а в селах власть перешла к старшинам. Закрытие Гражданских комитетов только обострило и без того сложные отношения казачества с иногородними. Сложившаяся система регионального и местного управления не давала иногородним возможности оказывать влияние на принимаемые решения.

Войсковое правительство для окончательного укрепления своей власти приступило к ограничению активности левых партий и профсоюзов, многие представители которых подверглись арестам и были вынуждены уйти в подполье. Дальнейшему наступлению на левые партии способствовала и смена политической обстановки в стране в начале июля 1917 г.

Установление союза между казаками и горцами

В сложившейся на Кубани ситуации острого социально-политического противостояния между казачеством и иногородними важное значение приобретала позиция, занятая горским меньшинством области. Осознавая это, представители казачества предпринимали систематические усилия по установлению союза с горцами. С апреля 1917 г. в аулы области направлялись агитаторы с целью обработки горского населения в духе, «угодном» Кубанскому войсковому правительству⁴⁰.

С 10 по 17 августа в ауле Хакуринохаль прошел Первый свободный съезд горцев Кубанской области, на котором присутствовали представители от казачества. Центральное место в работе съезда занял вопрос о том, кого поддерживать горцам в региональных разногласиях. Член Кубанского областного исполнительного комитета Султан Шахим-Гирей сделал доклад о происшедшем расколе в Областном совете и Комитете между казаками и иногородними. С тем, чтобы склонить горцев области на свою сторону, Войсковое правительство пошло на предоставление им права национального представительства. После длительного обсуждения съезд постановил «действовать в контакте с казачьим населением Кубанской области, предварительно установив и согласовав точно и определенно политические и общественно-административные задачи обоих народов»⁴¹. Данное решение участников съезда было продиктовано тем, что горцы Кубани видели в казачестве наиболее влиятельную политическую силу, без содействия которой в условиях политического хаоса и ослабления центральной власти невозможно было решение наиболее значимых для них национально-политических и социально-экономических проблем.

Ввиду раскола в Областном комитете было решено образовать Областной горский комитет в составе четырех членов. На съезде также были избраны пред-

⁴⁰ Емтыль З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар, 2016. С. 87.

⁴¹ ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 241.

ставители от горцев в Кубанский областной Совет. Учитывая абсолютное доминирование на Кубани русского населения, делегаты съезда отметили необходимость при выборах в органы управления областью соблюдать «принцип гарантии от меньшинства»⁴².

Стоит заметить, что на Первом съезде горцев в ауле Хакуринохабль участниками отстаивалась и другая точка зрения. Часть участников съезда констатировала факт назревания между казаками и иногородними серьезных противоречий, которые способны были перерасти в вооруженную схватку. В этой связи они не видели причин ссориться с иногородними, которые не претендовали на их «гнилые клочки земли»⁴³. Установление союза между горцами и казаками крайне негативно было воспринято иногородними, расценившими это как сговор.

Таким образом, к осени 1917 г. был окончательно оформлен раскол кубанского общества, в который были вовлечены основные социальные и национальные группы области. Уже в ближайшем будущем он стал основой широкомасштабного гражданского противостояния и повлек за собой большие людские потери.

Создание на Кубани казачьей автономии

Объявление Временным правительством 1 сентября 1917 г. России республикой не совпадало с желанием не только кубанского, но и в целом всего казачества об особой автономии казачьих областей. Лидеры казачества предполагали, что Россия станет федеративным государством и субъекты федерации будут иметь широкие полномочия. В этой связи на очередной казачьей конференции представителей Кубанского, Донского и Терского казачества, проходившей в Екатеринодаре 2–4 сентября 1917 г., была принята резолюция, в которой формулировалось требование признания России федеративной республикой с угрозой учредить ее явочным порядком⁴⁴.

Деятельность по созданию казачьей автономии была продолжена на очередной конференции, проходившей в Екатеринодаре 20–25 сентября 1917 г. В резолюции конференции отмечалось: «Мы, ниже подписавшиеся Казачьи войска, Горские народы Кавказа и вольные народы степей, заключили между собой союз с целью способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в государстве Российском, а также обеспечить Членам Союза их неприкосновенность...»⁴⁵

Иногороднее население южных казачьих областей увидело в создании этого союза нежелание лидеров казачества к социальному и политическому уравниванию граждан и решительную готовность отстаивать до конца свои привилегии. Представители кубанских иногородних «упрекали казаков, что они скорее готовы объединиться с калмыками и черкесами, чем с ними русскими людьми»⁴⁶. В ре-

⁴² ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 240.

⁴³ *Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов... С. 87.

⁴⁴ *Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 49.

⁴⁵ ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

⁴⁶ *Скобцов Д.Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 54.

зультате среди иногородних стала распространяться идея о необходимости образования «Союза иногородних Кубани, Дона, и Терека».

К концу сентября влияние центрального правительство на местах упало настолько, что областной комиссар К.Л. Бардиж находился при Войсковом правительстве в виде старшего советника без права вмешиваться в управление⁴⁷. В условиях фактически отсутствия центральной власти в регионе депутаты Рады попытались до созыва Учредительного собрания создать на Кубани «демократически избранную власть». В принятой Радой резолюции «Об управлении Кубанской областью» были утверждены «Временные основные положения о высших органах в Кубанском крае»⁴⁸. Высшим органом власти в крае на основании данных положений становилась Краевая рада, формировавшаяся из делегатов, представлявших 5 тыс. правомочных граждан. В обязанности Краевой Рады входило формирование Законодательного собрания и организация выборов войскового атамана⁴⁹.

Законодательная Рада должна была собираться два раза в год. Ее первая сессия была назначена на начало ноября 1917 г. В обязанности Рады входило избрание председателя и членов краевого правительства, краевого контролера, представителя края при центральном правительстве, издание законов, рассмотрение и утверждение бюджета, а также обсуждение деятельности войскового (краевого) правительства и в исключительных случаях вынесения ему вотума недоверия.

Краевое правительство формировалось из десяти человек, избираемых из числа депутатов Законодательного собрания, и председателя. Члены правительства должны были возглавить все управления, созданные в крае: финансов, гражданское, военное, просвещения, юстиции, торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, народного здоровья, путей сообщения. Два места в правительстве предоставлялось коренным иногородним и одно – горцам.

В обязанности Войскового атамана входило быть главой края, утверждать законопроекты, принимаемые Радой, а также быть главой всех вооруженных сил, находящихся на территории края даже временно⁵⁰. До начала работы Законодательной рады обязанности Краевого правительства выполняло старое Войсковое правительство⁵¹. По сути «Временные основные положения о высших органах в Кубанском крае» стали конституцией Кубанского края. На основании данных положений Кубанская область должна была именоваться Кубанским краем, а Войсковое правительство и Рада – краевыми.

Несмотря на то, что представители «самостийников» усиленно проводили агитацию среди кубанского казачества, рассказывая о самобытности и праве казаков на свое независимое государство, пойти на окончательный разрыв отношений с центральным правительством депутаты Рады не решались. Так, в ст. 3 «Времен-

⁴⁷ Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 54.

⁴⁸ Общая сводка рассмотренных Кубанской краевой Радой вопросов и принятых решений. Екатеринодар. 1917. С. 3–7.

⁴⁹ Там же. С. 4–7.

⁵⁰ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 47–48.

⁵¹ Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани... С. 57.

ных Положений» говорилось только о широкой местной автономии и о самостоятельности в «разрешении вопросов местной жизни...»⁵².

В условиях углублявшегося социального конфликта внутри кубанского общества представители казачьей фракции в Раде предприняли попытку объединения с горцами и частью иногороднего «коренного» населения. Горцы Кубани еще на августовском съезде в ауле Хакурнохабле пришли к соглашению с казачеством и приняли сторону Кубанского правительства. Чтобы склонить на свою сторону часть иногороднего населения, лидеры Рады во «Временных Положениях» пошли на уравнивание в правах с казачеством коренных иногородних. В ст. 2 говорилось, что «гражданские права и обязанности в вопросах как управления, так и самоуправления кубанское коренное население осуществляет наравне с казачеством немедленно»⁵³. Согласно «Временных Положений» носителями высшей власти в крае были представительные собрания. В выборах в данные собрания должны были участвовать только правомочные граждане от 20 лет обоего пола, из числа казаков, горцев и коренных крестьян. Под полноправными гражданами подразумевалось только казачье население и иногородние, владеющие землей на правах общинной или частной собственности. Таким образом, большая часть иногородних и рабочих была лишена избирательных прав. Коренные иногородние на предложение краевых властей о включении их в состав полноправных граждан отвечали уклончиво, так как числиться казаками в преддверии новых политических потрясений перестало быть почетным.

На основании Положений в состав президиума Рады были включены по представителю от горцев и коренного иногороднего населения. Однако данные представители отказались от работы по обсуждению резолюций и от голосований, так как не считали себя представителями всего иногороднего и горского населения и предложили созвать всесословный съезд путем прямого, равного и тайного голосования⁵⁴.

Ограничившись уравниванием в правах только «коренных» иногородних, краевое правительство было больше обеспокоено вопросами расширения самоуправления региона, формированием «Юга-Восточного союза» и укрепления своей власти в преддверии надвигавшейся большевистской угрозы, чем решением внутренних проблем. Рада, представлявшая в основном интересы крупных землевладельцев и зажиточных казаков, не сумела пойти на компромисс с иногородними и беднейшим казачеством в решении земельного вопроса и в уравнивании всего населения в гражданских правах. Это неминуемо лишало ее поддержки значительной части населения и ставило под вопрос легитимность ее дальнейшего существования. Сложившая на Кубани осенью 1917 г. структура власти, по справедливому мнению В.А. Терновского, представляла собой «своеобразную парламентскую республику сословного типа, что являлось особенностью этого региона...»⁵⁵.

⁵² ГАКК. Ф. Р-1774. Оп. 2. Д. 208.

⁵³ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 46.

⁵⁴ Кубанский край. 1917. 4 октября.

⁵⁵ Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления... С. 95.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что февральские революционные события в столице резко активизировали политическую активность населения Кубанской области, в атмосфере которой происходило формирование новой модели управления. Данный процесс имел выраженные особенности, обусловленные спецификой социальной и национальной структуры Кубани, а также существовавшей до революции системой управления областью. Хотя в первые же дни после свержения самодержавия власть на Кубани официально перешла в руки органов Временного правительства, политическая реальность в регионе, как и в целом по стране, оказалась гораздо сложнее, и говорить об обладании Временным правительством всей полноты власти не приходилось.

В целом, развитие социально-политической ситуации на Кубани в 1917 г. происходило в направлении углубления социально-политической конфронтации, в центре которой находилось казачество и иногороднее население региона. Основные социальные группы Кубани продемонстрировали неспособность к консенсусу в силу их диаметрально противоположных интересов. Иногородние крестьяне области и рабочие, воодушевленные демократическими лозунгами свершившейся революции, надеялись на уравнивание в правах с казачеством. Позиция же представителей казачества в целом была направлена не только на сохранение своих привилегий в области землепользования и управления областью, но и на их расширение.

В развитии процесса формирования системы органов управления на Кубани в период революционных преобразований отчетливо выделяется два разнонаправленных по своему содержанию периода. В первый период (с марта по июль 1917 г.) он происходил в русле постфевральских демократических процессов и был направлен на формирование более демократичной всеобщей системы регионального и местного управления. Второй период, начавшийся в июле 1917 г., носил фактически контрреволюционный характер и был ознаменован захватом всей полноты власти органами казачьего самоуправления.

Сложившаяся к осени 1917 г. система управления являлась дискриминационной по отношению к иногородним и рабочим, не давала им возможности оказывать влияние на решение наиболее важных социально-экономических и политических вопросов. Упразднение земельных комитетов, закрытие областного Совета и Облисполкома, ограничение деятельности левых партий, разгром гражданских комитетов на местах и переход всей власти в руки Кубанского Войскового правительства не оставляли правовых оснований для решения проблем с учетом интересов всех сословий. Сформировавшаяся система регионального и местного управления не была ориентирована на достижение социального согласия и мира, а напротив, формировала почву для острого социального конфликта и направляла дальнейшее развитие социально-политической ситуации в направлении жесткого гражданского противостояния.

Рукопись поступила: 27 августа 2019 г.

Submitted: 27 August 2019

Библиографический список

- Артемов С.Н.* Земельный вопрос на крестьянских и казачьих съездах Юга России (1917 г.) // Научный исторический вестник. 2007. № 16. С. 102–111.
- Бабичев М.М.* Подъем крестьянского движения на Кубани в период борьбы за установление Советской власти (1917–1918 гг.) // Труды краснодарского педагогического института. 1963. № 33. С. 13–29.
- Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д: Партиздат, тип. им. Коминтерна, 1933. 63 с.
- Венков А.В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д: «Логос», 1995. 128 с.
- Галлямова Л.И.* 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 9–24.
- Емтыль З.Я., Аверина А.В.* Нарастание противоречий между иногородними и казачеством в период революционных событий 1917 года // Этнос и культура в эпоху глобализации. Сборник материалов III Международной научной очно-заочной конференции, 27–28 июня 2019 г. Краснодар: Изд. КубГТУ, 2019. С. 165–176.
- Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. 228 с.
- Зайцев А.А.* Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья. Краснодар: Традиция, 2009. 210 с.
- Кабытова Н.Н.* Властные парадигмы российской провинции в 1917 году // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 211–220.
- Ладоха Г.* Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар: Кооперативное издательство «Буревестник», 1923. 122 с.
- Осадчий И.П.* Большевики Черноморской губернии в борьбе за победу Октября // Из истории партийных организаций Краснодарского края. Краснодар: [Б.и.], 1968. С. 5–39.
- Осадчий И.П.* Борьба за власть Советов на Кубани и Черноморье в годы Гражданской войны. Краснодар: «Знание», 1971. 72 с.
- Ратушняк В.Н.* Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.
- Разгон И.М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М.: Госполитиздат, 1941. 332 с.
- Раенко Я.Н.* Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья (1914–1920 гг.). Хронологический очерк. Краснодар: Краевое книгоиздательство, 1940. 156 с.
- Раенко Я.Н.* Борьба за установление Советской власти на Кубани и в Черноморье // Учетная запись Ростовского педагогического института. 1953. № 1. С. 53–95.
- Раенко Я.Н.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Март 1918 г. – апрель 1920 г. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1940. 256 с.
- Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918): Из истории становления советской государственности. Краснодар: Книжное изд-во, 1984. 175 с.
- Скобцов Д.Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. М.: Кучково поле, 2015. 520 с.
- Терновский В.А.* Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 82–106.
- Трусова Е.М.* Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д: СКНЦВШ, 1999. 220 с.
- Трут В.П.* Казачий излом. Ростов н/Д.: Гефест, 1997. 539 с.
- Тумасов Б.В.* Борьба за власть Советов на Кубани // Труды краснодарского института пищевой промышленности. 1957. № 17. С. 3–12.

- Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 175–177.
- Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 792–811.
- Хижняк И. Октябрь на Кубани // Кубань родная. Краснодар: [Б.и.], 1957. С. 52–60.
- Черпаков В.В. Выборные представительные органы государственной власти на Кубани (1917 – первая половина 1918 года) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2. С. 33–38.
- Янчевский Н. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Севкавказиздат, 1927. 205 с.
- Badcock. S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge: University press, 2007. 280 p.
- Raleigh D. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 376 p.
- Raleigh D. *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford, Princeton: University press, 2002. 464 p.

References

- Artemov, S.N. “The land issue on peasant and Cossack rides in the South of Russia (1917).” *The New Historical Bulletin*, no. 16 (2007): 102–111 (in Russian).
- Babichev, M.M. “Pod’yem krest’yanskogo dvizheniya na Kubani v period bor’by za ustanovleniye Sovetskoj vlasti (1917–1918 gg.).” *Trudy krasnodarskogo pedagogicheskogo institute*, no. 33 (1963): 13–29 (in Russian).
- Badcock, S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge: University press, 2007.
- Burkin, N.G. *Oktyabr’skaya revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v gorskikh oblastiakh Severnogo Kavkaza*. Rostov n/D: Partizdat Publ., 1933 (in Russian).
- Cherpakov, V.V. “Elected representative bodies of state power in the Kuban (1917 – first half of 1918).” *Cultural Studies Russian South*, no. 2 (2011): 33–38 (in Russian).
- Fedina, I.M. “Kuban Cossacks and nonresident population at the turn of XIX–XX centuries as a reflection of social paradigm of Kuban village.” *Theory and Practice of Social Development*, no. 2 (2012): 175–177 (in Russian).
- Fedina, I.M. “Kuban farmers’ attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 792–811 (in Russian).
- Gallyamova, L.I. “The Russian Far East in 1917: regional peculiarities of socio-political transformations.” *Russia and the Pacific*, no. 2 (2017): 9–24 (in Russian).
- Kabytova, N.N. “Paradigms of Power in the Russian Periphery in 1917.” *Herald of an Archivist*, no. 2 (2017): 211–220 (in Russian).
- Khizhnyak, I. “Oktyabr’ na Kubani.” In *Kuban’ rodnaya*, 52–60. Краснодар: [S.n.], 1957 (in Russian).
- Ladokha, G. *Ocherki Grazhdanskoy vojny na Kubani*. Krasnodar: «Burevestnik» Publ., 1923 (in Russian).
- Osadchiy, I.P. “Bol’sheviki Chernomorskoy gubernii v bor’be za pobedu Oktyabrya.” In *Iz istorii partinykh organizatsiy Krasnodarskogo kraja*, 5–39. Krasnodar: [S.n.], 1968 (in Russian).
- Osadchiy, I.P. *Bor’ba za vlast’ Sovetov na Kubani i Chernomor’ye v gody Grazhdanskoy vojny*. Krasnodar: “Znaniye” Publ., 1971 (in Russian).
- Raleigh, D. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
- Raleigh, D. *Experiencing Russia’s Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford, Princeton: University press, 2002.
- Ratushnyak, V.N. *Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 g.* Krasnodar: Sovetskaya Kuban’ Publ., 1996 (in Russian).
- Razgon, I.M. *Ordzhonikidze i Kirov i bor’ba za vlast’ Sovetov na Severnom Kavkaze. 1917–1920 gg.* Moscow: Gospolitizdat Publ., 1941 (in Russian).

- Rayenko, Ya.N. *Iz istoriy bol'shevistskikh organizatsiy Kubano-Chernomor'ya (1914–1920 gg.). Khronologicheskii ocherk*. Krasnodar: Krayevoye knigoizdatel'stvo Publ., 1940 (in Russian).
- Rayenko, Ya.N. "Bor'ba za ustanovleniye Sovetskoy vlasti na Kubani i v Chernomor'ye." *Uchetnaya zapis' Rostovskogo pedagogicheskogo institute*, no. 1 (1953): 53–95 (in Russian).
- Rayenko, Ya.N. *Khronika istoricheskikh sobytiy na Donu, Kubani i v Chernomor'ye. Mart 1918 g. – aprel' 1920 g.* Rostov n/D.: Rostizdat Publ., 1940 (in Russian).
- Sentsov, A.A. *Rozhdeniye Kubano-Chernomorskoy respubliki (1917–1918): Iz istorii stanovleniya sovetskoy gosudarstvennosti*. Krasnodar: Knizhnoye izd-vo Publ., 1984 (in Russian).
- Skobtsov, D.Ye. *Tri goda revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Kubani*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2015 (in Russian).
- Ternovskiy, V.A. "Formation of the Cossack self-government in the Kuban region (March – December 1917)." *Petersburg historical Journal*, no. 1 (2019): 82–106 (in Russian).
- Trusova, Ye.M. *Mestnoye upravleniye i samoupravleniye na Donu, Kubani i Stavropol'ye v 1917 g.* Rostov n/D: SKNTSVSH Publ., 1999 (in Russian).
- Trut, V.P. "Kazachiy izlom. Rostov n/D.: Gefest, 1997. 539 s. Tumasov B.V. Bor'ba za vlast' Sovetov na Kubani." *Trudy krasnodarskogo instituta pishchevoy promyshlennosti*, no. 17 (1957): 3–12 (in Russian).
- Venkov, A.B. *Antibol'shevistskoye dvizheniye na Yuge Rossii na nachal'nom etape grazhdanskoy voyny*. Rostov n/D: "Logos" Publ., 1995 (in Russian).
- Yanchevskiy, N. *Grazhdanskaya bor'ba na Severnom Kavkaze*. Rostov n/D: SevKavkniga Publ., 1927 (in Russian).
- Yemtyl', Z.Ya., and Averina, A.V. "Narastaniye protivorechiy mezhdru inogorodnimi i kazachestvom v period revolyutsionnykh sobytiy 1917 goda." In *Etnos i kul'tura v epokhu globalizatsii. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy ochno-zaochnoy konferentsii, 27–28 iyunya 2019 g.*, 165–176. Krasnodar: KubGTU Publ., 2019 (in Russian).
- Yemtyl', Z.Ya. *Zhernova istorii. Sotsial'no-politicheskaya istoriya adygov kontsa XIX v.–20-kh gg. XX v. v ocherkakh i dokumentakh*. Krasnodar: Dom – Yug Publ., 2016 (in Russian).
- Zaytsev, A.A. *Regional'nyy politicheskii protsess v usloviyakh Grazhdanskoy voyny 1917–1922 gg.: na materialakh Dona i Kubano-Chernomor'ya*. Krasnodar: Traditsiya Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторах /Information about authors

Емтыль Зарема Январбиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета.

Zarema Ya. Emtyl, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Department of History, Philosophy and Psychology, The Kuban State University of Technology

Пахомов Андрей Вячеславович, аспирант кафедры истории, философии и психологии, преподаватель кафедры физвоспитания и спорта Кубанского государственного технологического университета.

Andrey V. Pakhomov, PhD student, Department of History, Philosophy and Psychology, Lecturer, Department of Physical Education and Sport, The Kuban State University of Technology.